РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1893.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

ЧЕРТЫ СТАРИННАГО ДВОРЯНСКАГО БЫТА.

Воспоминанія Марьи Сергѣевны Николевой.

Въ началѣ текущаго столѣтія, въ домѣ моихъ родителей, справляли святки. По тогдашнему деревенскому обычаю ближайшіе сосѣди съѣзжались у кого-нибудь, начиная со втораго дня Рождества Христова и до Крещенія, сначала у помѣщиковъ, болѣе чиновныхъ и спускаясь все ниже и ниже: каждый домъ былъ увѣренъ, что и до него дойдетъ череда угощать. На долю родителямъ моимъ выпалъ третій день праздника. Человѣкъ сорокъ гостей, вся дворня, и старый и молодой, всё это шумѣло, плясало, пѣло и играло; въ домѣ былъ хаосъ. Четыре скрипки (домашніе музыканты) пилили вальсы, экосезы, матрадуры; сестры мои, еще очень молодыя дѣвицы, даже еще дѣти-подростки, въ костюмахъ справленныхъ на скорую руку, кто Цыганкой въ красномъ драдедамовомъ платкѣ черезъ плечо, кто пастушкой въ старой соломенной шляпкѣ съ помятымъ дѣланнымъ розаномъ, въ передникѣ изъ вуаля, веселились отъ души на ряду со своими горничными, учили ихъ выдѣлывать па и фигуры замысловатаго матрадура и гросфатера, смѣялись ихъ неловкости, потчивали всѣхъ яблоками, орѣхами, мущинъ пивомъ и яблочной водой; словомъ, деревенскіе святки были въ разгарѣ. Около десяти часовъ вечера мать моя скрылась, но веселое общество и не замѣтило отсутствія хозяйки. Чрезъ нѣсколько времени одна изъ старушекъ - сосѣдокъ пришла съ рюмкою бѣлаго вина въ рукахъ поздравить моего отца съ прибылью: новорожденной дочерью. Родилась я, шестая дочь Мими. Насъ было уже девять человѣкъ, и старшему моему брату шелъ 23 годъ. Теперь такое приращеніе при среднемъ достаткѣ почли бы чуть не несчастіемъ; въ то время не такъ думали: многочисленное семейство не считалось бременемъ, а благословеніемъ свыше. Вся семья встрѣтила радостно мое появленіе на свѣтъ, всѣ и каждый въ особенности спѣшилъ высказать свою преданность радушному сосѣду. Всякія пожеланія счастья привѣтствовали новорожденную; сестры же мои и второй изъ братьевъ, бывшій тогда на лицо въ отпуску, побѣжали смотрѣть крошку-сестрицу.

Родители, не желая никого обидѣть изъ дочерей своихъ, рѣшили, что удовольствіе имѣть крестницу по праву первенства должно принадлежать старшей дочери и присутствующему сыну.

Крестная моя мать, старшая сестра моя, дѣвица 17 лѣтъ, была любимицею всего семейства. Очень пріятнаго лица, добраго нрава, хотя и вспыльчивая, она привязывала къ себѣ всегдашней готовностью помочь каждому; поэтому немудрено было ожидать, что она дѣйствительно захочетъ быть мнѣ второю матерью, и точно съ перваго дня моей жизни, въ теченіе 56 лѣтъ, она при всякомъ случаѣ показывала мнѣ особенную любовь и участіе. Крестный отецъ мой, братъ Алексѣй (средній изъ трехъ, которыми надѣлила меня судьба) былъ въ то время уже адъютантомъ армейскаго генерала и чрезъ нѣсколько дней послѣ крестинъ моихъ уѣхалъ въ полкъ, стоявшій на южной границѣ нашего отечества, которое тогда уже готовилось къ жестокой борьбѣ съ цѣлой Европой.. То были первые годы славнаго царствованія Александра Благословеннаго.

Дѣдъ мой по матери, Яковъ Ивановичъ Еремѣевъ, былъ комендантомъ Нерчинска; тамъ родилась и мать моя. При рожденіи ея дѣдушка мой лишился жены Анны Степановны. Въ томъ дальнемъ краю и въ то время, ни за какія деньги нельзя было нанять кормилицу, а дѣдушка при себѣ не имѣлъ крѣпостныхъ людей, и солдаты-деньщики его вскормили мою мать, подкладывая ее къ козѣ, которую такъ пріучили кормить младенца, что она тосковала, когда пришлось отнять ея питомицу и съ грусти пàла. Матушка моя росла на рукахъ солдатскихъ до восьми лѣтъ, когда отецъ ея выписалъ къ себѣ въ Нерчинскъ своихъ людей изъ небольшой деревеньки въ Оренбургской губерніи. Пріѣхалъ 19-тилѣтній малый Петрушка съ сестрой Ѳедоркой, дѣвочкой лѣтъ 13, которой и пришлось быть всѣмъ въ домѣ: и нянькой при барышнѣ, и хозяйкой при вдовцѣ-баринѣ. Такъ прошло года три, и дѣдушка мой скончался, оставя одиннадцатилѣтнюю дочь свою Катю круглой сиротой, въ далекой уединенной сторонѣ, безъ состоянія, безъ пріюта и попечителя, на рукахъ Ѳедорки и ея молодаго брата.

Но Богъ не безъ милости: нашлись добрыя двѣ сестры-старушки купчихи Шишковы, которыя взяли всѣхъ трехъ, и барышню, и слугъ ея, на свое попеченіе, пріютили, отогрѣли и даже стали учить Русской грамотѣ и Закону Божію. Между тѣмъ дошла вѣсть до Иркутскаго губернатора о кончинѣ коменданта крѣпости и объ оставшейся сиротѣ-дочери, которой все богатство заключалось въ 2-хъ пудахъ серебра и 12 душахъ въ Оренбургской губерніи. Изъ далекой стороны нескоро доходитъ и теперь извѣстіе до Петербурга. Лишь черезъ годъ

на вопросъ Иркутскаго губернатора, что̀ дѣлать съ сиротой-дочерью почетнаго лица въ томъ краю, получено было предписаніе отдать сироту Еремѣеву на воспитаніе Тобольскому губернатору Протопопову, вслѣдствіе чего и отправлена была Катя съ двумя людьми своими при купеческомъ караванѣ за 4000 верстъ въ Тобольскъ, въ домъ губернатора.

Губернаторъ этотъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, недавно женатый на Николевой, Московской красавицѣ изъ богатаго дома и довольно извѣстнаго въ древней столицѣ, имѣвшаго хорошее родство и связи, что̀ доставило Протопопову мѣсто губернатора. Жена его Анна Алексѣевна, женщина добрая и умная, приняла Катю какъ родную дочь, содержала ее и учила на равнѣ со своею дочерью Александрою и сыномъ Петромъ. Въ этомъ почтенномъ семействѣ бѣдная сирота достигла 17-ти лѣтъ, развилась, получила лучшее образованіе по тогдашнему времени и сдѣлалась красавицей. Къ этому времени опредѣлился въ Тобольскъ совѣтникомъ родной братъ губернаторши, Сергѣй, человѣкъ лѣтъ 30-ти, холостой, богатый, свѣтскій, столичный житель. Служилъ онъ сначала въ Петербургѣ, но несчастный случай заставилъ его покинуть службу. Ѣхавши однажды съ пріятелемъ изъ театра въ дормёзѣ, друзья заспорили, къ кому въ домъ заѣхать прежде и въ пылу спора, забывъ, что стекло кареты поднято, Николевъ хотѣлъ высунуть голову въ окно, чтобы приказать кучеру везти ихъ къ нему, разбилъ оконное стекло и выкололъ себѣ глазъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы. Это приключеніе было началомъ счастія для бѣдной сироты, жившей за 3000 верстъ отъ молодаго франта. Мало находилось тогда охотниковъ занимать служебныя мѣста въ далекой, страшной по-наслышкѣ Сибири, и вотъ несчастный молодой человѣкъ, пролежавъ почти годъ въ страданіи послѣ операціи глаза, изъ котораго вынули осколки стекла, лишился чрезъ то занимаемаго имъ мѣста въ Петербургѣ, поѣхалъ въ Москву къ старушкѣ своей матери, которая жила тамъ безвыѣздно въ собственномъ большомъ каменномъ домѣ на одной изъ лучшихъ улицъ города, окруженная родными, друзьями и почетомъ. При старушкѣ матери безотлучно жили вторая ея дочь-дѣвица Александра и два сына Дмитрій и Алексѣй, холостые. Къ нимъ-то и вернулся третій сынъ Сергѣй, уже кривой. Но недолго прожилъ онъ въ своемъ родномъ углу. Предопредѣленіе влекло его въ тотъ край, гдѣ находилась его суженая; онъ рѣшился ѣхать къ сестрѣ и зятю въ Тобольскъ, опредѣлился тамъ совѣтникомъ подъ эгиду родственнаго начальника и поселился у него въ домѣ. Много ли нужно времени молодымъ людямъ, чтобы сойтись, особенно когда дѣвица хороша собою? Не прошло и полу-года, какъ бабушка моя по отцу,

Марья Ивановна, урожденная Толстая, получила письмо съ просьбою о благословеніи сына на бракъ съ сиротой Еремѣевой, дочерью умершаго Нерчинскаго коменданта.

Прошло года четыре. Родители мои Сергѣй Алексѣевичъ и Екатерина Яковлевна Николевы имѣли уже двухъ сыновей, Сергѣя и Алексѣя; а къ третьему новорожденному, Якову, искали нанять кормилицу въ отъѣздъ; потому что отецъ мой, по желанію своей матери, везъ къ ней изъ Тобольска всю свою семью. Но трудно было и даже невозможно найти женщину, которая бы согласилась, бросивъ свое родное гнѣздо, промѣнять его на далекій край. Таже бывшая дѣвочка, теперь уже въ цвѣтѣ лѣтъ служанка Ѳедорушка, принялась кормить рожкомъ третьяго сына своей бывшей питомицы-барышни и няньчить старшихъ мальчиковъ, двухъ и одного года. Братъ Ѳедорушки отправленъ былъ впередъ въ Оренбургскую деревеньку, принадлежавшую моей матери, чтобы приготовить тамъ пріютъ и отдыхъ на пути въ Москву и пріискать кормилицу для младенца изъ ихъ крѣпостныхъ женщинъ. Но увы! пока посланный ѣхалъ въ деревню, она была разорена и вызжена Пугачевскою шайкой, и родители мои, добравшись до своего угла, нашли въ немъ только головни и спѣлую, прекрасную землянику, во множествѣ покрывавшую окружные холмы; все прочее пропало. Ни курицы на супъ, ни молока дѣтямъ нельзя найти ни за какую цѣну. О кормилицѣ нечего было и думать: кто убитъ, кто уведенъ шайкой Пугачевщины; оставшіеся попрятались и разбѣжались. Бѣдная Ѳедорушка и братъ ея тоже лишились своихъ отца и матери и даже не нашли мѣста гдѣ стоялъ ихъ дворъ: все было стерто съ лица семли. Сироты, безъ роду и племени, безъ угла и пріюта, тѣмъ крѣпче привязались къ господамъ своимъ и рады были ѣхать хоть на край свѣта за ними. Пробывъ сутки въ деревнѣ и питаясь единственно земляникой съ дорожнымъ хлѣбомъ, поѣхали они всѣ, скрѣпя сердце далѣе, въ опасеніи попасть къ разбойникамъ и поплатиться жизнію за пріятную встрѣчу. Къ счастью ихъ, Пугачевъ уже былъ схваченъ, и караванъ нашъ доплылъ благополучно до берега, хотя не безъ лишеній и бѣдъ.

Не даромъ и теперь еще зовутъ Москву старой болтуньей. Въ ней все узнается невѣроятно скоро: и мать моя не успѣла еще осмотрѣться въ новомъ своемъ семействѣ, отдохнуть отъ дальняго пути, какъ вся Москва заговорила, что пріѣхала Сибирячка-красавица. Не было мѣста гдѣ бы не окружала ее толпа любопытныхъ; всякій хотѣлъ взглянуть на пріѣзжую. Какъ? Изъ Сибири, той страшной Сибири, гдѣ воображенію каждаго чудились одни Самоѣды да ссыльные преступники, вѣчные снѣга и льды, и вдругъ оттуда явилась молодая жен-

щина средняго роста, съ голубыми выразительными глазами, прекраснымъ бюстомъ, каштановыми волосами и поступью герцогини; къ тому же съ достаточными понятіями о вещахъ, что̀ въ то время не всегда встрѣчалось и въ лучшемъ кругу общества. Какъ же не спѣшить Москвичамъ посмотрѣть такое диво? Москва,не стѣсняясь приличіями, въ слухъ кричитъ при ней: «Поглядите, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ красавица!»

У отца моего было пять братьевъ (онъ шестой) и двѣ сестры. Отецъ его Алексѣй Егоровичъ Николевъ умеръ давно, оставя малолѣтними свое многочисленное племя на рукахъ жены, упомянутой уже мною урожденной М. И. Толстой, и всѣ дѣти ея по милости Божіей вышли людьми порядочными, а нѣкоторые занимали видныя должности, напр.: старшая дочь Анна Алексѣевна, какъ сказано, была за Тобольскимъ губернаторомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Протопоповымъ.

Второй мой дядя Юрій Алексѣевичъ былъ губернаторомъ въ Екатеринославѣ, а потомъ въ Перми, женился очень молодъ на Собакиной, по кончинѣ ея на Скобѣевой (она скоро его бросила, скучая воспитаніемъ пасынковъ и падчерицъ, коихъ было четверо). Живучи въ далекой сторонѣ, дядя мой не могъ самъ опредѣлить своихъ сыновей въ кадетскій корпусъ, тогда называвшійся Шляхетнымъ, и не долго думая отправилъ двоихъ Александра и Ивана Юрьевичей въ Петербургъ съ дядькою, своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, который и повезъ дѣтей безъ всякой протекціи и даже вида, прямо въ столицу по приказу барина: опредѣлить дѣтей въ ученье. Привезъ умный дядька барчиковъ въ Петербургъ; какъ, куда и кого просить, не вѣдаетъ. Ходитъ по улицамъ и самъ не знаетъ, что̀ дѣлать, какъ приступиться къ дѣлу. Столкнулся онъ къ счастью со своимъ же братомъ-слугою, старымъ знакомцемъ, давно жившимъ въ Петербургѣ у какого-то вельможи. Насмотрѣлся тотъ и наслушался многаго, что̀ бываетъ между баръ и далъ совѣтъ дядькѣ везти дѣтей въ Царское Село, гдѣ тогда проводила лѣто Государыня Екатерина и стараться попасть ей на глаза, такъ какъ царица имѣла обыкновеніе каждое утро, около девятаго часа, прогуливаться почти одна въ Царскосельскомъ саду. Отправился мой дядька на волю Божію съ парою мальчиковъ въ одно ясное утро въ садъ, пріодѣвъ ихъ получше, и разгуливаетъ по аллеямъ въ ожиданіи, не выйдетъ ли Государыня, не будетъ ли счастья его барчатамъ. Долго ходили они въ троемъ, не теряя изъ виду дворца; въ саду посѣтителей никого не было, и его съ трудомъ туда впустили: для этого нужно было дядькѣ объяснить свое дѣло караульному офицеру и поклониться ему до земли. Офицеръ смилостивился и впустилъ добраго слугу съ его питомцами. По нѣкоторомъ времени, мимо ихъ пробѣжала

маленькая бѣлая собачка, залаяла, остановилась и не пускаетъ идти далѣе. Дѣти испугались, жмутся къ дядькѣ. Тотъ не смѣетъ и окликнуть собачку, не знаетъ какъ отдѣлаться, боится какъ бы не попасть въ бѣду. Тутъ изъ боковой аллеи показалась дама въ бѣломъ платьѣ и ласково говоритъ имъ: «не бойтесь; она не кусается, а только лаетъ». Затѣмъ она спрашиваетъ, чьи это дѣти и зачѣмъ они зашли въ садъ. Дядька, не подозрѣвая, что видитъ предъ собою Государыню, которая по его мнѣнію должна быть окруженною всякимъ великолѣпіемъ, чистосердечно разсказалъ ей свое горе, прося совѣта, какъ бы ему попасть на глаза Государынѣ. «Да кто же твой господинъ?» спросила Императрица. «Да вотъ, матушка-сударыня, онъ губернаторомъ въ Перми, не могъ самъ отъ мѣста отлучиться и приказалъ мнѣ везти дѣтокъ въ Питеръ, опредѣлить ихъ; я и повезъ, а теперь не знаю, что̀ мнѣ съ ними дѣлать».—«Хорошо», отвѣчаетъ Екатерина, «я доложу о тебѣ Государынѣ; а ты добрый слуга, я тебя не забуду: иди во дворецъ съ дѣтьми, подожди въ пріемной». Обрадованный старикъ поклонился въ ноги и повелъ дѣтей во дворецъ. Разсказавши свою встрѣчу съ незнакомой барыней дежурному, онъ отъ него узналъ съ кѣмъ говорилъ и до смерти перепугался, но успокоенный завѣреніемъ, что по видимому дѣло идетъ на ладъ, сталъ въ уголку съ дѣтьми и ждетъ. Скоро подошелъ какой-то генералъ и отъ имени Матери-Царицы вручилъ ему 10 рублей за вѣрную службу своему господину, а на завтра приказалъ везти дѣтей въ Шляхетный корпусъ, сказавъ, что Государыня беретъ ихъ подъ свой покровъ. Съ радости старикъ отслужилъ молебенъ и, сдавъ дѣтей въ корпусъ, поспѣшилъ съ доброю вѣстью къ своему господину. И какъ было не радоваться! Въ то время два старшихъ сына Наслѣдника Цесаревича Павла Петровича, Александръ и Константинъ Павловичи, были записаны въ число учениковъ Шляхетнаго корпуса, для поощренія дворянства отдавать туда на воспитаніе своихъ дѣтей, что̀ имъ не очень-то нравилось. Великіе князья были однихъ лѣтъ съ дѣтьми Николева; на послѣднихъ было обращено вниманіе Государыни, какъ на сиротъ и на сыновей такого служаки, который и для родныхъ сыновей не покинулъ своего мѣста, и она, узнавъ, что эти два мальчика ведутъ себя хорошо въ корпусѣ и прилежны, приказала ихъ обоихъ взять въ товарищи игръ къ своимъ внукамъ, съ которыми они и кончили свое образованіе. Старшій, Иванъ Юрьевичъ, попалъ по времени въ милость къ великому князю Александру и до конца дней его всегда былъ имъ не забытъ, дослужился до генеральскаго чина, получилъ аренду и умеръ черезъ годъ послѣ своего Государя-благодѣтеля, оставя многочисленное семейство, о которомъ скажу послѣ.

Второй сынъ дяди моего Юрія, Александръ Юрьевичъ былъ красавецъ собою и взятъ въ камеръ-пажи Императрицею, которая всегда съ нимъ милостиво обходилась. Когда она играла въ карты, обязанность Александра Юрьевича была стоять за ея стуломъ, принять ея перчатки и принести кошелекъ съ мелкими монетами, которыми Государыня расплачивалась. Молодой пажъ часто пользовался ея перчатками, кладя ихъ къ себѣ въ карманъ для отсылки сестрамъ, такъ что разъ Государыня, пославъ его за кошелькомъ, милостиво сказала: «Шалитъ мой пажъ, копѣечку на конфеты у меня взялъ». И при такой счастливой перспективѣ, чѣмъ кончилъ несчастный молодой человѣкъ? Утонулъ 25-ти лѣтъ, переѣзжая Неву въ половодье, чтобы погулять съ товарищами въ знаменитомъ Красномъ Кабачкѣ.

Другой дядя мой Иванъ Алексѣевичъ Николевъ былъ женатъ на Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Сукиной, славившейся даромъ поэзіи. Проводя цѣлые часы за сочиненіями, она мало заботилась о воспитаніи дѣтей своихъ, которые всѣ шестеро обязаны отцу своему (человѣку отличнаго ума и прекрасныхъ правилъ) тѣмъ, что вышли людьми порядочными, съ правильными понятіями о вещахъ. Иванъ Алексѣевичъ былъ заика и подобно женѣ своей любитель поэзіи, что̀ не мѣшало ему быть хорошимъ отцомъ и хозяиномъ въ его имѣніи Желень, Фатежскаго уѣзда, Курской губ. Образованіемъ дочерей онъ занимался самъ, а трехъ сыновей отдалъ въ Шляхетный корпусъ. Старшій Ѳедоръ Ивановичъ дослужился до капитанскаго чина и по волѣ отца вышелъ въ отставку, чтобы помогать ему въ хозяйствѣ, и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ. Разъ, въ гололедицу, отправился онъ на свой винокуренный заводъ, поскользнулся и упалъ въ чанъ съ кипящею брагой, откуда вынули его чуть живымъ, съ платьемъ приварившимся къ тѣлу. Не смотря на страшныя страданія, въ продолженіи двухъ сутокъ, онъ сдерживалъ стоны, чтобы не растревожить отца, который долго не зналъ о случившемся и былъ въ отчаяніи отъ такой ужасной кончины 32-лѣтняго сына. Ѳедоръ Ивановичъ наслѣдовалъ отъ матери склонность къ поэзіи и слагалъ стихи. Даже мнѣ, пятилѣтней дѣвочкѣ, приподнесъ онъ «Посланіе маленькой кузинѣ на день ея имянинъ».

Въ сей день, когда съ небесъ зритъ Ангелъ твой хранитель,
Курящійся къ себѣ отъ вѣрныхъ ѳиміамъ,
Позволь, чтобъ я, какъ братъ и часомъ сочинитель,
Привѣтствовалъ тебя, какъ водится друзьямъ и пр.

22 Іюля 1813 года.
Село Желень.

Второй сынъ моего дяди Владиміръ Ивановичъ Николевъ, дослужась до полковника въ войну съ Наполеономъ, вернулся къ отцу по заключеніи мира и тутъ женился по любви на сестрѣ Курскаго вице-губернатора Аннѣ Алексѣевнѣ Бурнашовой, а чрезъ три мѣсяца, по окончаніи срока отпуска, отправился въ полкъ, оставивъ жену беременною у свекра. Путь его лежалъ на Брянскъ. Переѣзжая черезъ Оку въ лодкѣ, вмѣстѣ съ перевозчиками былъ онъ опрокинутъ въ рѣку по неосторожности рулеваго, и хотя былъ вытащенъ изъ воды, но долго пролежалъ въ горячкѣ, затѣмъ впалъ въ чахотку и умеръ на рукахъ молодой жены и старика вдоваго отца, поручивъ попеченію его сестеръ, жену и будущаго ребенка. Родилась слабая, хворая дѣвочка, умершая на шестомъ году. Бѣдная молодая мать, вдова въ 25 лѣтъ, бросила свѣтъ, совершенно посвятила себя молитвѣ и уходу за своею собственною слѣпой матерью, до конца ея дней служила ей поводырькомъ, а за тѣмъ пошла въ монастырь. 67-ми-лѣтній старикъ подъ старость имѣлъ лишь двухъ дочерей, о которыхъ рѣчь впереди.

Третій дядя мой Николай Алексѣевичъ Николевъ постригся въ монахи и былъ потомъ архимандритомъ въ Ниловой пустынѣ, подъ именемъ Никанора. Говорятъ, однако, иногда онъ сожалѣлъ, что отрекся отъ свѣта, чему причиною была несчастная любовь.—Два младшіе дяди мои, Алексѣй и Дмитрій, оба холостые, по кончинѣ бабушки, получили свои части имѣнія въ Лебедянскомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ сестрой дѣвицей Александрой Алексѣевной, съ которой и жили. Алексѣй Алексѣевичъ занимался созерцательными науками, читалъ Юнга-Штиллинга, Экартсгаузена, велъ жизнь уединенную, устраивалъ разнаго рода машины, химическіе препараты, работая въ садовой бесѣдкѣ своего села Брусланова, со своимъ слугою Иваномъ, искалъ философскаго камня и perpetum-mobile и разъ чуть не сгорѣлъ, распуская на огнѣ какое-то химическое вещество. Онъ устроилъ въ печкѣ своего дома хорошій органъ, который самъ собою начиналъ играть, когда въ печи разводили огонь. Много затѣйливыхъ машинъ осталось послѣ него; на нихъ истратилъ онъ все свое состояніе. Онъ умеръ въ бѣдности на рукахъ сестры, подобно брату своему Дмитрію, неудачно занимавшемуся хозяйствомъ. Оба они пользовались частью имѣнія сестры, а также пенсіей племянницы Софьи Юрьевны, неразлучной съ теткой. Пенсія—это всё, что́ осталось Софьѣ отъ отца, который любилъ хорошо пожить и на видномъ посту губернатора сладко кушалъ, ходилъ щоголемъ въ громадномъ завитомъ парикѣ à la Voltaire», въ тонкомъ батистовомъ бѣльѣ съ кружевными манжетами. Выйдя въ отставку, онъ умеръ у той же добрѣйшей сестры Александры Алексѣевны, которая, хотя некрасивая собою, была въ свое время любимицей своей матери.

Бабушка, до самой смерти своей живя съ своимъ большомъ каменномъ домѣ въ Москвѣ, очень ее баловала. Онѣ жили открыто, принимали лучшее общество, часто возвращались съ баловъ далеко за полночь и, не смотря на усталость и преклонныя лѣта, мать ежедневно вставала раньше дочери для того только, чтобы она, проснувшись, могла покушать молочной каши, сваренной руками матери, которую та и подавала ей прямо на постель.

У Александры Алексѣевны Николевой былъ въ молодости и женихъ, за котораго она была уже помолвлена. Этотъ господинъ любилъ пофрантить, а такъ какъ въ то время было въ модѣ носить очки, то онъ ихъ и надѣлъ, хотя стекла въ нихъ были ему не по глазамъ и затемняли зрѣніе. Случилось, что онъ пріѣхалъ поздно въ общество, гдѣ была уже его невѣста. Слѣдовало ожидать, что женихъ тотчасъ подойдетъ къ ней; но не тутъ то было: онъ и не смотритъ на нее. Усаженный хозяйкою играть въ карты за одинъ столъ съ невѣстой, онъ долго играетъ, не обращая на нее вниманія. Всѣ это замѣчаютъ; Александра Алексѣевна чуть не плачетъ. Растерявшись она сдѣлала большую ошибку въ игрѣ, такъ что одинъ изъ партнеровъ воскликнулъ: «Помилуйте, можно ли такъ играть!» При ея имени женихъ встрепенулся, сдернулъ очки и видитъ передъ собою невѣсту: «Ахъ, Александра Алексѣевна! Простите, я не видалъ васъ!» Всѣ расхохотались, а бѣдная невѣста въ слезы: стыдно ей, досадно, и тутъ же отказала ему. Видно, суждено ей было служить опорою своимъ тремъ братьямъ, племянницѣ и многимъ бѣднымъ, которыхъ она воспитала и содержала.

Теперь, разсказавъ про своихъ дядей и тетокъ, вернусь къ собственному семейству.

И такъ, я была девятое дитя у родителей моихъ, которые имѣли всѣхъ дѣтей 12. Многочисленная семья заставила отца моего жить постоянно въ деревнѣ. Онъ любилъ хозяйство и былъ хорошимъ агрономомъ-практикомъ, что̀ не мѣшало ему много читать; особенно просиживалъ онъ ночи надъ любимыми писателями того времени, Вольтеромъ, Даламберомъ и Дидро съ братіей. Этимъ онъ такъ ослабилъ свой единственный глазъ, что у него показался катарактъ, и къ старости онъ ослѣпъ совершенно. Мать моя хотя и занималась женскою половиной хозяйства, но, имѣя такую преданную и опытную женщину какъ Ѳедорушка, распоряжалась больше на словахъ. Въ сущности всѣмъ заправляла Ѳедора Семеновна; на ея рукахъ были кладовыя, разные припасы и заготовленія по дому; все зависѣло отъ нея, она только приходила къ барынѣ получить разрѣшеніе на предлагаемое дѣло и мастерски исполняла его. При всѣхъ этихъ заботахъ успѣвала

она почти одна няньчить и обшивать всѣхъ дѣтей господъ своихъ, такъ что всѣ мы, кромѣ сестры Елисаветы, обязаны доброй нянѣ тѣмъ, что выросли въ страхѣ Божіемъ, въ почтеніи къ родителямъ, всѣ довольно хорошо сложены, безъ какихъ-либо выдающихся физическихъ недостатковъ.

Старшій братъ мой Сергѣй Сергѣевичъ получилъ образованіе въ Университетскомъ Пансіонѣ, гдѣ тогда славился Прокоповичъ-Антонскій, какъ одинъ изъ умнѣйшихъ людей; братъ до конца дней вспоминалъ о немъ съ уваженіемъ и благодарностью. Сергѣй поступилъ въ армію и девять лѣтъ не видалъ своей семьи ни разу. Онъ страстно любилъ военное дѣло и вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника 40 лѣтъ, по волѣ отца, и съ тѣхъ поръ не покидалъ уже роднаго крова.

Второй мой братъ Алексѣй воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, былъ картавъ, но веселаго характера. Онъ поступилъ прямо въ адъютанты къ князю Репнину, былъ его любимцемъ и въ тоже время любимцемъ женскаго пола вообще. Этотъ bon-vivant часто пріѣзжалъ домой съ отпускомъ и безъ отпуска. Такимъ случаемъ попалъ онъ и въ крестные отцы мои.

Третій братъ Яковъ учился дома съ тремя сестрами Надеждой, Татьяной, старшими, и Екатериной, четвертой сестрой, у различныхъ учителей, которыхъ родители наши привозили изъ Москвы. Большею частью то были Французскіе эмигранты, которыми въ то время была наполнена Россія послѣ революціи 1789 года, когда цѣлыя семьи выѣзжали изъ Франціи, ища средствъ къ пропитанію. Изъ нихъ въ домѣ нашемъ замѣчательнѣе двое: аббатъ Вьёбуа (Vieux-Bois) который, вскорѣ по пріѣздѣ къ намъ влюбился въ мою мать, бросился предъ нею на колѣни и сталъ изъясняться въ любви, позабывъ, что мать моя не понимаетъ по французски (ему указали обратный путь въ Москву), и замѣнившій его прекраснѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ Рипòмонти (Ripomonty), эмигрантъ лѣтъ сорока отъ роду. Онъ провелъ у насъ много лѣтъ, занимаясь воспитаніемъ моего брата, сестеръ и одной дѣвицы, жившей у насъ, Елисаветы Яковлевны Ганичевой. Рипòмонти не только училъ ихъ языкамъ Французскому и модному тогда Итальянскому, но и прочимъ наукамъ, даже религіи. Онъ наблюдалъ за ихъ нравственностью, работами, игралъ съ ними и когда былъ особенно доволенъ поведеніемъ которой-нибудь изъ ученицъ, то въ знакъ одобренія снималъ свой парикъ, потрясалъ его надъ головой ученицы, въ тоже время склоняя предъ нею свою лысую голову и приговаривая, что и старость не стыдится отдавать должную дань молодости. Этимъ очень цѣнили его воспитанницы и наперерывъ старались получить такую награду. Онъ привязался къ семейству нашему, и много лѣтъ спустя,

бывши въ Москвѣ и встрѣтивъ сестеръ моихъ, такъ обрадовался, что заплакалъ и бросился обнимать бывшихъ учениць.

Третья сестра моя Елисавета Сергѣевна была помѣщена въ Смольный монастырь, въ годъ коронаціи Александра Перваго и въ самое время празднествъ. Мать моя сама повезла ее туда, воспользовавшись случаемъ посмотрѣть великолѣпные фейерверки и иллюминаціи. Въ столицѣ встрѣтила она внучатную сестру свою Христину Михайловну Голостѣнову съ семействомъ: обѣ были Сибирячки. Вмѣстѣ ѣздили онѣ смотрѣть празднества; но мать моя не первый уже разъ была въ Петербургѣ. При покойномъ государѣ Павлѣ Петровичѣ было въ обычаѣ, въ случаѣ встрѣчи съ Его Величествомъ, кто бы и гдѣ бы ни ѣхалъ, выходить изъ экипажа и стоять на мѣстѣ, пока Государь проѣдетъ, не смотря ни на какую погоду и грязь. Такъ случилось и съ моей матерью. Ѣдетъ она въ каретѣ по улицѣ, залитой грязью; вдругъ издали показались гайдуки, скороходы, Государь.. Куда-бы свернуть, чтобы не становиться въ грязь? Нѣтъ на бѣду перекрестка, которыми за частую пользовались встрѣчавшіеся съ Царемъ, разсыпаясь при его приближеніи во всѣ стороны. Пришлось бѣдной матушкѣ въ голубомъ шелковомъ робронѣ съ большими фижмами опуститься прямо въ грязь; а Государь ѣдетъ и еще притомъ улыбается, видя нарядную даму, увязшую въ болотѣ. При этомъ слѣдовало низко кланяться, такъ что и напудренная голова часто страдала. Тѣмъ болѣе при восшествіи на престолъ Александра Павловича всѣ были довольны, что онъ тотчасъ же отмѣнилъ это обыкновеніе.

Отецъ мой страстно любилъ жену, иначе не называлъ ее какъ: другъ мой Катенька, баловалъ сколько могъ и, оставаясь самъ постоянно въ деревнѣ, почти всякую зиму отпускалъ ее въ которую нибудь изъ столицъ. Поселясь въ своемъ селѣ Покровскомъ, они нашли все въ запустѣніи. Были лишь маленькій флигель и старая деревянная церковь. Часть имѣнія этого принадлежала ранѣе моей двоюродной бабушкѣ Татьянѣ Егоровнѣ, сестрѣ моего дѣда. Она умерла въ дѣвицахъ, оставя свою долю отцу моему, бывшему ея крестникомъ и любимцемъ. Такимъ образомъ отецъ мой получилъ нѣсколько болѣе братьевъ своихъ, а именно до 500 душъ. Первый его приступъ къ управленію имѣніемъ былъ ознаменованъ дѣломъ богоугоднымъ. Въ 1810 году онъ заложилъ большую каменную церковь, хорошей архитектуры, съ двумя башнями-колокольнями при входѣ, соединенными небольшой колоннадой, что̀ составило перистиль главнаго входа съ западной стороны, выходящей на большой поселокъ или торговую дорогу изъ уѣзднаго города Ельни въ Москву. Потомъ построенъ имъ былъ большой двухъэтажный, деревянный домъ, саженяхъ во ста отъ

церкви, среди площади образуемой высокимъ берегомъ живописной рѣки, небольшой, чистой и довольно быстрой. Домъ соединилъ онъ съ церковью двумя фруктовыми садами по обѣ стороны дороги, такъ что жители села могли и лѣтомъ, и зимою ходить къ службѣ Божіей чрезъ садъ, не топча дорожной грязи. Устроилъ онъ и третій садъ сбоку дома, для прогулокъ, въ немъ двѣ оранжереи, бесѣдку въ видѣ домика въ пять комнатъ для пріема гостей и флигель на случай пріѣзда сыновей. Въ этомъ третьемъ саду была вырыта сажалка для рыбы, раздѣленная мостикомъ на аркѣ, который велъ къ бесѣдкѣ.

Въ первое время родители мои имѣли мало знакомства. Какъ новые люди въ томъ краю, при большомъ семействѣ, они затруднялись въ выборѣ общества. Къ тому же земля ихъ прилегала съ одной стороны къ землѣ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, такъ что сосѣдей дворянъ было немного. Въ началѣ текущаго столѣтія многіе и состоятельные помѣщики не получали достаточнаго образованія, иные по нерадѣнію, другіе по невозможности достать хорошихъ преподавателей и учебниковъ. Что же сказать про образованіе такъ-называемыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ? Большая часть ихъ дальше Псалтыря и Часослова не шла, а женщины, что́ называется, и аза въ глаза не видали. Прибавьте къ этому разныя суевѣрія, вѣру въ вѣдьмъ и домовыхъ и т. п. Ихъ безцеремонное обращеніе съ новоприбывшимъ сосѣдомъ имѣло цѣлью доказать ему свое равенство съ нимъ. Помню я одну особу (трудно назвать ее дамой), Агаѳью Михайловну Бибикову, которая не знала лучшаго достоинства человѣка, какъ принадлежность къ сословію дворянъ и только на этомъ основывала свое право на знакомство съ отцомъ моимъ. Она съ гордостью повторяла безъ всякой надобности: «я дворянка» и доказывала свое привиллегированное положеніе тѣмъ, что, протянувъ длинныя ноги, развалится, бывало, въ кресло, закинетъ руки на затылокъ и зѣваетъ громко, приговаривая: о-хо-хо! Она имѣла душъ 20 и мужа поступившаго въ милицію, что̀ ее еще болѣе возвысило въ ея собственныхъ глазахъ. На одномъ уровнѣ образованія съ нею находились и двѣ сестры Глинскіе. Старшая Фіона Семеновна, очень некрасивая, была однако о себѣ высокаго мнѣнія, въ каждомъ молодомъ человѣкѣ видѣла суженаго и не иначе называла себя, какъ княжной, вслѣдствіи увѣренія какого-то проказника-сосѣда, будто есть на свѣтѣ князя Глинскіе и конечно она отъ одного съ ними корня. Потому она кровно обижалась, если кто въ разговорѣ не прибавлялъ къ ея имени титула княжны. Эти семейства лѣтъ чрезъ 15, когда родители мои окончательно устроились и стали искать лучшаго круга знакомства, покинули нашъ домъ; нѣкоторыя же лица, хотя далеко незатѣйливыя, но покрайней мѣрѣ не

мечтавшія слишкомъ много о себѣ, остались до конца въ числѣ нашихъ хорошихъ знакомыхъ, напримѣръ Булычовъ Егоръ Николаевичъ, женатый на Вяземской купчихѣ Гайдуковой. Отецъ мой завелъ больницу для крестьянъ своихъ и порядочную аптеку, которой завѣдывалъ самъ съ помощью старшей дочери Надежды Сергѣевны. Окружные деревенскіе жители зачастую приходили просить ихъ помощи. Они лѣчили всѣхъ безвозмездно всегда, а своихъ крѣпостныхъ помѣщали въ больницу. Туда были приставляемы женщины подъ названіемъ «сторожихъ», и одинъ изъ дворовыхъ людей, фельдшеръ-практикъ, умѣвшій пускать кровь, прививать оспу и т. п. Въ домѣ нашемъ почти всегда былъ годовой врачъ изъ числа служащихъ въ ближайшихъ уѣздныхъ городахъ; за нимъ посылали лошадей для всякаго трудно больного и платили ему 400 рублей въ годъ, что̀ тогда считалось приличнымъ вознагражденіемъ. Сестра моя завела тетрадь для вписыванія Латинскихъ рецептовъ съ Русскимъ переводомъ и впослѣдствіи такъ навыкла въ этомъ занятіи, что лѣчила даже трудныя болѣзни довольно успѣшно, безъ помощи медиковъ.

Въ то время было въ обычаѣ, чтобы всякій мало-мальски состоятельный помѣщикъ имѣлъ собственную музыку, и мой отецъ не преминулъ также завести изъ крѣпостныхъ своихъ хоръ небольшой около 10 человѣкъ и квартетъ скрипачей, для обученія коихъ пріѣзжалъ регентъ отъ богатаго сосѣдняго помѣщика Шепелева. Онъ же занимался и съ сестрами моими, игравшими на клавикордахъ.

Братъ мой Яковъ поступилъ въ канцелярію князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго, который взялъ его на свое особое попеченіе, очень любилъ и зорко слѣдилъ за молодымъ человѣкомъ. Они большею частію жили въ Малороссіи, гдѣ князь былъ генералъ-губернаторомъ, а въ поѣздкахъ по дѣламъ службы въ Петербургъ почти всегда заѣзжалъ къ отцу моему, привозя съ собой брата; когда же не могъ быть самъ, присылалъ его одного. У князя Лобанова вмѣстѣ съ моимъ братомъ служилъ нѣкто Андрей Васильевичъ Вакселъ, одной губерніи и смежнаго съ нашимъ уѣзда. Братъ всегда привозилъ Вакселя съ собою. Этотъ Вакселюха, какъ звалъ его мой братъ, былъ чрезвычайно простъ, чтобы не сказать болѣе, и служилъ кн. Лобанову вмѣсто шута, а братъ творилъ съ нимъ разныя проказы. Холостякъ Вакселъ былъ страстный поклонникъ женскаго пола, а трудно ему было понравиться кому нибудь, такъ какъ онъ чрезвычайно походилъ на овцу: даже волосы его, короткіе и курчавые, казались скорѣе шерстью, при безконечномъ лбѣ и горбатомъ носѣ. Хотя, говорятъ, каждый человѣкъ походитъ на какое-либо животное, но трудно представить болѣе рѣзкое сходство, какъ сходство Вакселя съ овцой; даже

умомъ и кротостью онъ былъ овца. Братъ, зная его слабость нравиться прекрасному полу, предложилъ ему написать свой портретъ и подарить одной изъ сестеръ моихъ. Тотъ, въ восторгѣ отъ этой выдумки, заказалъ свое изображеніе маслянными красками à l'enfant, съ открытой шеей, и привезъ къ намъ его. «Ну вотъ люблю», говоритъ братъ, «давно бы такъ; но ты скажи прежде, кого больше любишь, Марину или малину?» (а Ваксель былъ большой любитель малины). «Яшенька!» завопилъ тотъ умоляющимъ голосомъ. «Нѣтъ, нѣтъ: ты скажи, что̀ лучше, черника или черничка?»—»Ахъ! Яшенька, не стыдно ли тебѣ?» конфузился Ваксель въ виду присутствія молодыхъ дѣвицъ. А братъ дразнитъ его, пока Ваксель вскочитъ, погонится за братомъ; но тотъ былъ вдвое проворнѣе, прыгнетъ на окно, отворитъ его, «догоняй»— закричитъ, и пока Ваксель соберется вылѣзти, брата и слѣдъ простылъ. Ваксель очень любилъ своего Яшеньку и ни за что не захотѣлъ ночевать иначе какъ въ одной съ нимъ комнатѣ, что̀ брату не нравилось, и онъ рѣшилъ съ нимъ сыграть штуку. «Поди, Векселюха, ложись спать», говоритъ онъ ему однажды, «я скоро приду». Тотъ отправился ко сну; а братъ, обѣжавъ кругомъ и видя, что онъ раздѣлся, заперъ дверь снаружи и ушелъ. Ваксель бросился въ свой пышный пуховикъ (онъ любилъ очень мягко спать) и прямо попалъ въ тазъ съ водой, поставленный подъ простыню. Кричитъ благимъ матомъ, не въ состояніи будучи быстро приподняться и увязнувъ въ пышно взбитомъ пуховикѣ, но никто его не слышитъ. Съ трудомъ выбрался онъ изъ него и нашелъ дверь запертою. Не смотря на все это, онъ не сердился на брата. Бывши въ Нѣжинѣ, накупилъ онъ нѣсколько банокъ варенья, переложилъ его сѣномъ и везетъ въ своей бричкѣ. Денегъ было мало, и онъ скупился часто подмазывать колеса. Ось же была деревянная. Ѣдетъ онъ Днѣпровскими песками. «Что̀ это пахнетъ дымомъ?» спрашиваетъ онъ у ямщика.—«Не знаю», отвѣчаетъ тотъ, «должно быть пожаръ гдѣ нибудь по близости». Не прошло и часу, какъ колесница моего вояжёра вспыхнула. Сѣно, банки, все пылаетъ. Ямщикъ, боясь отвѣтственности, обрѣзалъ постромки у лошадей, вскочилъ на нихъ и былъ таковъ, оставя этого новаго Илію раздѣлываться съ пылающей колесницей, какъ знаетъ. Все сгорѣло, экипажъ, варенье и сѣно, а самъ путешественникъ едва спасся и пѣшкомъ потянулся въ обратный путь.

(*Продолженіе будетъ*).